

Александр

ЛИТВИН

Они
найдут меня
сами

Александр Богданович Литвин

Они найдут меня сами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69204076

SelfPub; 2023

Аннотация

Александр Литвин – провизор, военный врач в прошлом, в настоящее время известен как исследователь в области эпигенетики – новой дисциплины, возникшей на стыке биологии, биофизики, генетики и психологии. Это вторая книга Александра Литвина. В центре повествования – люди и их истории, работа и расследования, а также неожиданные открытия, самое главное из которых произведет революцию в умах многих читателей... Долгожданное продолжение бестселлера «Выше Бога не буду», выпущенного в 2014 году. Новая книга охватывает период участия Александра Литвина в «Битве экстрасенсов», включая события, происходившие в это же время за рамками популярного телепроекта.

Содержание

2014 год. Весна	5
1	10
2	13
3	19
4	22
5	30
6	33
7	36
8	40
9	45
10	56
11	62
12	69
13	73
14	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Литвин

Они найдут меня сами

Я претендую на истину.

Автор

*Моему старшему сыну и другу Евгению
посвящается*

2014 год. Весна

Маша волновалась. Она чуть пригубила чай из тонкой фарфоровой чашки и низким тихим голосом начала свой рассказ.

– История моя странная и необычная. Мне тридцать семь лет, и в моей жизни хватало чудес и разных приключений, но то, что привело меня к вам, не укладывается ни в какие логические понятия. Тридцать лет, ровно тридцать лет назад мне приснился этот сон. Я была семилетней девочкой, когда впервые увидела его. А проснувшись, и представить не могла, что это «кино» затянется на тридцать долгих лет. Этот сон я вижу снова и снова, когда раз в неделю, когда два. Снова и снова. Один и тот же сон. Знаете, есть фильм «День сурка», а у меня – «ночь сурка»: все совершенно одинаково, до малейших деталей. И сурок этот – я. Загнанный сурок, который не может рассказать этот сон никому, потому что боится прослыть ненормальным. Вы сможете мне помочь?

Мы сидели друг напротив друга. Лицо ее было серьезным, но стать серьезным меня заставило совершенно другое. Я понял, что сейчас здесь, в моем кабинете я узнаю то, к чему, проходя все испытания и экзамены, шел, вероятно, всю свою жизнь. И, возможно, именно сейчас я наконец-то пойму смысл всего происходившего со мной. Это понимание было мгновенным, как взрыв, как выстрел, как неожиданно

включенный свет.

Время остановилось. У меня так бывает – в самые ответственные или опасные моменты моей жизни время замирает и пространство погружается в холодный туман. Поудобней устроившись в кресле, я поднес правую руку к голове, обхватил лоб и глаза так, чтобы сквозь закрытые веки проникало минимальное количество света, и стал слушать рассказ Марии. Это была не просто удобная поза: принятие такого положения тела в пространстве стало для меня неким ритуалом, позволяющим практически незаметно для окружающих настроить себя на нужную волну.

– Самый первый сон... он начался резко, без преамбулы, без каких-то вступлений. Как будто включили фильм в строго определенном месте. Некий фрагмент, вырванный из событий. Я бегу. Бегу по узким улицам незнакомого города. Меня настигает толпа людей. Я не оборачиваюсь, я просто слышу их дыхание, топот их ног, их крики. Я чувствую запах горелого мяса, это пахнет моя кожа, я чувствую, как стрелы срывают с меня ее куски. Те, кто сзади, кидают в меня камни, палки. Над головой и рядом то и дело пролетают копья и ножи. Я бегу так быстро, как только могу, я хочу оглянуться, но понимаю, что могу потерять драгоценное время. Сердцу не хватает места в груди, дыхание мое вырывается со свистом, я задыхаюсь от этого сумасшедшего бега. С хрипом в сухом саднящем горле я выбегаю на какую-то площадь и вижу фонтан, он стоит в самом центре площади. Я делаю

неимоверное усилие и с последней надеждой на избавление, без колебаний ныряю в этот фонтан и... просыпаюсь. Просыпаюсь с тем же хрипом, что и во сне, с саднящим горлом, в состоянии полного безумства, еще не понимая, что это был сон и все уже закончилось.

Маша замолчала, и я слышал ее тяжелое дыхание. Сам я практически перестал дышать.

Я смотрел ее сон вместе с ней. Я был еще там, в нем. По мере повествования я наблюдал со стороны этот забег по узкой улице, я видел этих безумных людей в старинных одеждах, с факелами и оружием в руках, и я видел этот фонтан. Фонтан... Фонтан... Фонтан показался мне знакомым. Я был возле него прошлым летом! Я знаю, где он находится! Меня передернуло от холода.

Открыв глаза, я придвинул к себе ноутбук и зашел в приложение с картами. В поисковой строке набрал адрес: Toulouse, Place Roder Salendro. И в тот же момент меня просто накрыло холодной волной. Холод был таким, что у меня возникла мысль включить режим обогрева на кондиционере.

Я поднял глаза на Марию и развернул к ней экран. «Смотри». Мысленно я уже окрестил ее Марьям – как ни странно, блондинке Маше это восточное имя подходит больше. Ах, как же я люблю удивлять людей. Она посмотрела на экран, и ее всю затрясло. И без того светлая кожа стала просто белой и прозрачной, такой, что были видны прожилки голубоватых вен.

– Что это за город? – она еще не понимала, что происходит. – Это же он, этот город из моего сна!

– Это Тулуза. Ты когда-нибудь была там?

– Нет, никогда. Но я знаю это место и эти улицы. Я по ним бежала. – Мария не отрывала глаз от экрана, сонная артерия на ее шее пульсировала так, как будто девушка опять бежит по улицам, по городу из своего сна.

– Мария, тебе надо съездить туда и погулять. Я думаю, тебе есть что вспомнить. Все, что было с твоим далеким предком. А теперь давай, рассказывай детали сна.

Маша сидела в полном изумлении. Она несколько раз повторила: «Ничего себе... Ну ничего себе!» Честно признаться, я тоже был удивлен. Я не подал виду, но меня просто рывало от того, с какой легкостью я увидел сон другого человека: я бежал рядом с ней, я имел возможность оглянуться и увидеть озверевшие лица безумных людей – они, как собаки, сорвавшиеся с цепи, были готовы рвать ее тело. И факелы. Многочисленные факелы в руках толпы вернули мне эмоцию ужаса из детства, когда я случайно поджег бочку с бензином...

Теперь Маша была готова засыпать меня вопросами. «Александр, как вы думаете, что мне снится? Кто я? Это из прошлой жизни? Я кем-то там была? Зачем за мной бежали все эти люди? Кто они? Почему они хотели меня убить? Мне на самом деле кто-нибудь угрожает?» Она, обычно обстоятельная и неторопливая, задала мне массу вопросов, на ко-

торые у меня был ответ, но я боялся его озвучить.

Если мое предположение верное, то, озвучив его, я стану на пути у машины смерти, которая смела не один миллион человек. Этот агрегат и сейчас смазан, с заправленными баками и всегда готов отутюжить не просто человека, а всю историю человечества.

1

Свой первый эфир я не забуду никогда. 28 сентября 2008 года. А накануне, 27 сентября, Наталье исполнилось бы сорок шесть. Как же мне ее не хватало! Она была вторым в моей жизни человеком, кому я что-то доказывал. Первым был я сам.

Мое первое появление на экране телевизора повергло всех в шок. Мой секрет, моя стратегическая тайна стала известна всем моим родным и знакомым. Пути назад не было.

Мы сидели дома втроем: мои парни, еще находящиеся в сильнейшем стрессе после ухода мамы, и я – в состоянии бомбы с тикающим механизмом, с дурацкой улыбкой на лице и с внутренним ощущением готовности порвать любого, кто осмелится угрожать моим детям. Мы представляли собой тихий динамит из эмоций, которые невозможно описать словами. Мы ждали.

Детонатором стал телефонный звонок. Звонок из Владивостока от коллеги по таможне, узнавшего меня в телевизоре. Кроме «ну ты, блин, даешь!» я толком ничего не понял. А потом понеслось. По мере смены часовых поясов и выхода в эфир программы в том или ином часовом поясе, звонков становилось все больше и больше. И вот наступило уральское время. Теперь звонили одновременно три телефона. «Да, да, это папа», – отвечали звонившим Евгений и Альберт. «Да,

да, это я», – отвечал я обалдевшим, ошалевшим и вдруг в одночасье ставшим какими-то счастливыми людям. Старикам я позвонил сам.

– У меня нет слов, – сказала мама, – я просто глазам не поверила. Я знала, что ты можешь удивлять, но так ты еще никогда нас не удивлял.

– Как я тебе в телевизоре? – мне очень хотелось, чтобы мама оценила мою работу. – Я еще не видел программу, она будет только через час.

– Все хорошо, ты в телевизоре красиво выглядишь и говоришь хорошо. В добрый час!

Наконец программа началась и в Москве. Сделав глоток коньяка, я стал смотреть на экран телевизора. Тридцать машин стоят в два ряда в огромном ангаре, в багажнике одной из них спрятан человек. Его надо найти с одной-единственной попытки. Время работы – десять минут.

Вот и моя очередь подошла. Я медленно вел руками перед собой, и в какой-то момент воздух стал упругим, сопротивляющимся. Это изменение было конкретным и понятным. Здесь – есть, здесь – нет. Перепроверил: есть – нет. Конкретно и точно.

Сидя по ту сторону экрана, я снова вспомнил глаза ведущих и аплодисменты в ангаре. Аплодировала вся съемочная группа, искренне и дружно. Они были по-настоящему рады. И это меня удивило. Я почему-то решил, что для них это уже не чудо – они сняли множество программ и должны были бы

привыкнуть, но я видел искреннее удивление и восхищение. Да, моя тактика была правильной, я нашел этого человека в багажнике, я поверил себе. Но... Кому это надо? Кто дал мне эту возможность – вот так четко и понятно ощутить изменение? Я ломал голову над смыслом происходящего: штука, в общем-то, безобидная – найти в багажнике человека, но уж очень понятный сигнал, такой, который не оставил никаких сомнений. Все, что произошло в тот день, все было направлено на уничтожение моего сомнения. И звонок Альберта перед тем, как мне идти в ангар с машинами, – все к одному: не сомневайся!

Там был еще не экзамен, там был всего лишь зачет, допуск к экзамену. На тот момент у меня была еще прежняя жизнь, еще была жива Наталья. И там, на экране телевизора, я был еще тем, прежним. Это прошлое ощущали и мои сыновья. Никогда, никогда не будет так, как прежде.

Я допил свой коньяк. «Ну, как вам?» Парни сидели молча. Они еще были там, в прошлом, и каждый из них думал: «Наверное, маме бы понравилось и у нее тоже была бы новая жизнь». И я думал то же самое. Испытание пройдено, работа сделана, но незавершенность была в том, что нет главного человека, кому я всегда доказывал то, что я лучший. Нет здесь, на земле. То, что она знает, я не сомневался, и все равно мне хотелось услышать именно ее оценку.

2

Я ехал в вагоне метро с блаженной улыбкой на лице и просто заходилась от счастья и распирающего ощущения собственной значимости, от ощущения победителя. Война закончилась. Фанфары, ликование друзей и родных, и я – на вершине пьедестала с призом в руках. Тысячи раз я видел эту картину, и мне уже не надо было загонять себя в транс. Одна только мысль и фейерверк эмоций!

Я все время держал в голове конечную цель – мне нужна эта победа. Я ходил по Москве и ловил знаки, которые мироздание мне давало в большом количестве и вселяло уверенность.

Как-то, присев на свою любимую скамейку в Воронцовском парке, я наблюдал за детьми, которые кидали друг в друга вороха осенних листьев. Их голоса в прохладном осеннем воздухе были слышны четко и разборчиво, но при этом они мне совершенно не мешали думать о предстоящем событии. Я снова и снова стоял перед символом своей победы, я сжимал этот кусок стекла в руках, и состояние счастья накрывало меня с головой. Сейчас мне важно помнить только о том, что мои эмоции могут быть реализованы в будущем – я напрягаю память, и она не должна выдавать ничего, кроме счастья! Мне предстоит трудная работа: вспомнить состояние счастья, которое будет в будущем. Вспомнить свое буду-

щее. Крик вернул меня в реальность. «Я победил! Я победил!» – кричал пацан, подкидывая очередной ворох листьев в небо. «Да, ты победил», – сказала мальчугану подошедшая мама. Она сказала это тихо-тихо, но я ее услышал...

График был расписан достаточно жестко. Время делилось на сами испытания и на их ожидание. Аккумуляторная батарея телефона всегда была заряжена, денег на телефонном счете всегда было достаточно. Это была моя боевая экипировка, внешний признак готовности к работе. Сам я находился в постоянной готовности оказаться в течение полутора часов в названном месте. Как для человека служившего, для меня это не представляло трудностей. А вот внутреннее мое состояние не было видно никому.

Испытания занимают в среднем десять минут. Вот в эти десять минут я должен максимально отключиться от мира, который имеет цвет, вкус и запах, который имеет стабильные формы и понятные правила игры, от мира, который имеет историю, день и ночь, ветер и дождь. Я должен отключиться от объективной реальности, но при этом не уйти в тотальную пустоту, а расширить свое сознание до таких размеров, которые бы мне позволили услышать эмоции мест, людей и событий. От меня будут требовать невероятных, с точки зрения человеческой логики, действий, и к этому надо готовиться.

У меня нет памяти на лица, у меня есть память на эмоции. Возможно, это никак не связано с интуицией, но эта память мне чертовски помогает, надо только вспомнить, и

все. Только вспомнить. Моя копилка эмоций наполнена достаточно, чтобы почувствовать человека, но задания будут разными, и вполне вероятно, что не все дадутся мне легко. Будут дни, когда я ничего не смогу увидеть: мое лучшее время – полночь, но никто не пойдет мне навстречу, никто не будет выстраивать график съемок исключительно под меня. Если я сам этого не захочу. Стало быть, ощущение счастья от обладания призом должно быть перманентным, тогда люди пойдут мне навстречу и время экзаменов будет совпадать с моей лучшей формой.

Финал проекта приходится на декабрь, а декабрь для меня всегда невероятно везучий период. Это мое время в любой год, но декабрь 2008 года – это самое лучшее мое время! Да, сначала мне будет сложно. Пока нет устойчивых отрицательных температур, пока листва на деревьях, мне придется сложно, но чем сильнее морозы, чем толще лед на реках, тем моя интуитивная сила больше и шансы возрастают многократно.

Мысли об экзаменах забирали все мое время. Сессия обещала быть длинной, мне предстоял трехмесячный марафон, который подводил итог всей моей деятельности за последние сорок с лишним лет. Я ни на минуту, ни на секунду не сомневался в правильности принятого решения, но главный вопрос – для чего? – я оставил на потом, на то время, когда, как мне казалось, стратегическая задача будет выполнена.

Да, тогда эта задача была для меня стратегической, она

была смыслом жизни, и вопрос «для чего?» так и остался висеть в воздухе до лучших времен. Вероятно, я изначально поступил правильно, поставив точку в этом вопросе: сначала я сдам экзамены, а потом уже буду думать – для чего. Я себя знаю, так уж я устроен, что хорошо могу делать только одно дело. Нарушение этого принципа – заведомый провал, а проваливаться я не намерен.

Цель ясна, задача поставлена. Мой жизненный опыт говорит: надейся только на самого себя. Мое оружие – это эмоции, чувства и высочайший уровень доверия к своим ощущениям. Кажущаяся простота этого принципа – самый сложный момент. Да – это да, нет – это нет. Остальное от лукавого. Обычный двоичный код, открытый людям еще в древности.

Утром я отправился в магазин. Надо что-то приготовить на обед. Интернет выдал мне рецепт борща с фотографиями-инструкциями, отображающими каждый этап обработки продуктов, и я отправился за ингредиентами.

Магазин как магазин, все как обычно, только продавщица странно смотрела и улыбалась, как будто знает меня. Я начал вспоминать, где ее видел, и тоже улыбнулся. «Я вас знаю! Вы – Александр! Я видела вас вчера по телевизору!» Ах, вот в чем дело... Вот она, слава!

Я не знал, что должен делать в этот момент. Я улыбался этой женщине и почти забыл, зачем пришел. Мне стало вдруг неловко, не потому, что я смутился, а потому, что в мо-

ем жизненном опыте не было практики популярности и, соответственно, словарный запас был в этом отношении недостаточен. Работа на таможне и власть, которую она давала, вынуждала многих людей мне улыбаться – на всякий случай. Здесь же было совсем другое. Женщина улыбалась искренне, не рассчитывая на то, что ее доброе расположение принесет ей какие-то преференции. Да, оказывается, это очень приятно – нравиться людям. Я все же собрался и быстро проговорил список необходимых продуктов. Пакет был полон, оставалось только действовать по инструкции из Интернета.

По дороге домой я обдумывал, что мне говорить людям в таких ситуациях, как реагировать на то, что они меня узнали. С каждым эфиром я буду все больше и больше узнаваем и от этого никуда не деться, это существенно ограничит мою свободу, и это же ее существенно расширит. Я много раз слышал слова о том, что человек должен выдержать три испытания: огонь, воду и медные трубы. Но больше всего в жизни я боялся испытания властью. Власть не позволяет делать ошибок. Твое решение должно быть в балансе с твоими функциями и быть правильным и для власти, и для человека, на которого ты свою власть распространяешь. С властью я вроде бы справился. Теперь у меня будет еще одно ранее неизвестное мне качество – популярность. В том, что она будет, сомнений у меня не было.

Меня всегда удивляли люди, замирающие при виде той или иной популярной личности. У меня кумиров нет и не бы-

ло: так уж получилось, что реализация заповеди «не сотвори себе кумира» далась мне легко. Я где-то прочитал: чтобы стать специалистом в каком-то деле, нужно просто очень хорошо отработать в этой сфере десять тысяч часов – это касается практически всех людей, подпадающих под усредненные характеристики. Но есть дела, которые у нас получаются лучше, чем у других, и тогда вместо средних десяти тысяч часов достаточно одной тысячи. Я уважаю профессионалов. Тех, кто либо за десять тысяч часов, либо за тысячу, но стали совершенными мастерами в своем деле. Мастер ли я, покажет время, а пока мне сорок восемь и я умею слушать себя. И все, что мне предстоит сделать в ближайшие три месяца, – слушать себя!

3

Испытание. Первое испытание после похорон Натальи. Мне пришлось выслушать соболезнования перед тем, как приступить к работе. Лучше бы они ничего не говорили, но не я устанавливаю правила.

Конверт, внутри фотография. Задание – сказать все, что думаю по поводу фотографии и личности на ней. Какой-то специальной подготовки к этому испытанию я не проводил. Уповав только на себя, я закрыл глаза и попытался сузить свой мир до этого маленького конверта.

Лицо. Очень близко лицо. И голубые глаза. Знакомое лицо. Пытаюсь вспомнить. Лицо отдаляется, и я вижу Наталью. Она смотрит на меня слегка иронично. Я выхожу из этого узкого мира, пытаюсь убрать образ Натальи и опять погрузиться в содержимое этого конверта. Опять очень близко глаза. Успеваю заметить кудрявые волосы. Потом какие-то фрагменты, как в милицейской хронике, что-то похожее на описание судебно-медицинской экспертизы. Положение тела, травмы. Я почувствовал резкую боль в области солнечного сплетения. Убийство. Неприятное ощущение, очень неприятное ощущение несправедливости, трусости и предательства. Но говорить буду только то, что видел, ощущения к делу не пришьешь. Открываю глаза. Говорю все, что видел. Женщина, глаза голубые, описываю травмы, говорю, что это

убийство.

Рядом с ведущим стоит невысокая сухощавая пожилая женщина. Прямой, жесткий, смелый взгляд. Она смотрит на меня в упор. Я только что видел эти глаза. Очень похожи. Только цвет ее глаз другой, зеленый. Но энергия общая, вероятно, родня. Женщина смотрит пристально, но дружелюбно. Ведущий не торопясь достает из конверта фотографию. В конверте фотография Сергея Есенина. Не сдал! Эта мысль буквально пронзила меня. Это мужчина. Травмы и их описание – стопроцентная идентичность, но это мужчина. Нет смысла объяснять ведущим, почему я решил, что это женщина, они не поймут.

Ведущий представляет даму. Светлана Петровна Есенина, племянница поэта. Я не вижу в ее взгляде ни малейшего разочарования, есть только глубокая заинтересованность, и я знаю почему. Я точно описал все травмы, и я сказал, что это убийство. Официальная версия не совпадает с моей.

Светлана Петровна протянула мне маленькую книжицу – Библию.

– Александр, только один вопрос. Вот прямо сейчас расскажите мне про этот предмет.

Камеры уже ничего не снимают, мы стоим за пределами съемочной площадки.

– Это Библия, которую подарила очень важная персона, имеющая большую власть, и Сергей Есенин, задавая какой-либо вопрос, искал ответ на страницах этой книги, от-

крывая их наугад.

Взгляд женщины стал мягким и добрым. Она мне улыбнулась.

– Да, эту Библию подарила императрица, и Есенин действительно так делал. В нашей семье есть именно эта легенда, но кроме нашей семьи про это никто не знает.

Мы попрощались, но у меня осталось ощущение предстоящей встречи.

Испытания шли одно за другим. Какие-то мне давались легко, какие-то я проходил с трудом, но ни разу за все время экзаменов не случилось того, чтобы информация шла неверная, уводящая меня в сторону от истины. Я сам, сам лично делал ошибки, неправильно интерпретируя те или иные подсказки, а иногда и просто забывая про них. Все это было страшно досадно, досадно оттого, что я поторопился с выводами, оттого, что был слеп и не отреагировал, оттого, что порой шел на поводу у ведущих.

4

О, как повезло моему поколению и всем тем, кто родился в эру доступной информации. В свое время мне не хватало именно этого. Я тратил драгоценное время на походы в библиотеки, стоял в очередях за книгами, с нетерпением ждал почтальона, который принесет мой любимый журнал «Наука и жизнь», а почтальон все не шел и не шел, и терпение мое было на пределе, но и радость была величайшая, когда я брал в руки пахнущий типографской краской новенький журнал. Мне так ее не хватало, информации об этом огромном мире. И вот наконец-то этот мир открылся. Открылся на мониторе компьютера. Открылся весь – и хороший, и плохой. Добро и зло – два в одном, и это изобретение, основанное на бинарном принципе, дает возможность не только получать информацию, но и делиться ею.

Я зашел на свою страничку на сайте «Одноклассники». До эфира у меня в «друзьях» было пятнадцать человек, все лично мне знакомые и проверенные. А что сейчас? Ого, сколько желающих «подружиться» со мной! Да, телевидение свое дело делает. Есть люди, которым я понравился. Это хорошо! Они мне помогут! Чем больше людей меня знает и переживает за меня, тем я сильнее. Недооценивать эмоции людей никак нельзя. Это единственная сила, которая может изменить как мир в целом, так и мир отдельного человека, в дан-

ном случае – мой.

Сотни, тысячи писем раз за разом, эфир за эфиром накачивали на мою страничку в «Одноклассниках». Сначала я читал все подряд, потом понял: моей жизни не хватит на все. Надо довериться интуиции и выбирать письма, основываясь исключительно на своих ощущениях.

Письмо из Самары. Пишет молодая женщина. «Скажите мне дату вашего рождения, и я скажу вам, будет ли успешным ваше участие в проекте».

Интересно, я всегда внимательно относился к датам рождения. Еще при прохождении практики в медицинском училище я обратил внимание на то, что в определенное время в больнице собираются люди с определенными датами рождения, как будто у всех у них одновременно снизился иммунитет. А на практике в травмопункте я заметил, что в некоторые дни количество переломов резко возрастает, причем это не связано с погодными условиями, гололедом и прочими стихийными бедствиями. Вдруг, на ровном месте, люди начинают падать. Ну что ж, отправлю я ей свои координаты, посмотрим, что скажет эта девушка из Самары. Судя по фотографии, интуиции ей не занимать.

Ответ пришел минут через сорок. Текст короткий, слова с ошибками, но суть ясна – у меня есть большой шанс на победу, и моя краткая характеристика, процентов на пятьдесят совпадающая с моей реальной, – тоже неплохо. Что за система? Фэншуй. Ну что же, почитаю про эту китайскую науку.

В памяти вдруг неожиданно всплыл образ того старика, который вручил мне жезл, инкрустированный драгоценными камнями. Я уже и забыл про этот сон, но мысли о Китае, о восточной мудрости внезапно отбросили меня на десять лет назад, в декабрь 1998 года. Я опять вспомнил эти синие-пресиние глаза с монгольским прищуром и руку, протягивающую жезл.

Я на целый день погрузился в китайские иероглифы, нашел какой-то календарь. Сегодняшний день был обозначен как день металлического дракона. Вчитываясь в непонятные слова, я поймал себя на мысли о том, что все это мне знакомо, знакомо настолько, как будто я все это уже читал и понимал. Я посмотрел на свою руку – она отсвечивала фиолетовым спектром. Что там говорит фэншуй по этому поводу? Я родился в год металлической крысы. Интересно. Я всегда это знал, где-то раньше читал, но никогда серьезно к этому не относился. Металл. Цвет металла – белый, серый, розовый, сиреневый, фиолетовый, бордо. Направление в природе – запад. Вот тебе на! Как они это узнали? Я, как слепой котенок, выстраивал свою Систему, а она, оказывается, уже существует! Я, нахлебавшись выше крыши на востоке, при перемещении на запад от места рождения стал более успешным. Я военный и всю жизнь в погонах – и все это энергия металла. Опять все придумали до меня...

Досады не было, было ощущение того, что я нашел что-то сверхважное, просто суперважное для себя. Я понял, что это

и есть Система! Ведь недаром же я обращал внимание на даты рождения пациентов, попавших на прием к травматологу, или одинаковые даты людей, страдающих шизофренией, или нарушения в опорно-двигательном аппарате людей, рожденных в конкретный период или год. Я неплохо вычислил для себя периоды успехов и неудач, но это все было достигнуто эмпирическим путем, методом проб и ошибок и личных наблюдений за собой и окружающими людьми.

Я с головой ушел в изучение этой науки, я перелопатил огромное количество материала и все время сравнивал с таблицами даты рождения тех или иных известных людей. Но, к великому своему разочарованию, я понял, что китайская система работает крайне избирательно: кого-то она описывает просто с точностью до восьмидесяти процентов, а для другого, с такой же датой, – дает стопроцентный сбой. Точность возрастала по мере приближения места рождения изучаемой личности к центральному Китаю, а с удалением от центрального Китая точность падала в геометрической прогрессии. Стопроцентного же попадания не было никогда.

Я вернулся к своим ощущениям. Каждый день мне всегда представлялся в определенных цветах и – это было самое главное мое открытие – мои цвета совпадали с цветом дня в китайском календаре. И свечение многих людей совпадало с китайским календарем. Но в памяти у меня была картинка из самолета, где основная масса людей имела оранжевый спектр – тогда, помнится, я сделал вывод, что с удалением от

поверхности земли основная масса людей приобретает оранжевый оттенок в своем спектре. Что это? Наведенный свет? Жаль, что мне еще не скоро лететь, а проверить хочется прямо сейчас. Обычно после испытания у меня всегда был свободный день, и я решил, что найду в Москве высотное здание со свободным доступом и проверю свою гипотезу хотя бы на этой высоте.

Девушка из Самары дала мне ряд рекомендаций по поводу цветовой гаммы в моей одежде. Вот здесь надо ей сказать отдельное спасибо. Я никак не мог дойти до магазина, чтобы подобрать себе одежду разных цветов, я все время ходил в «своих» металлических оттенках и понимал, что периодически эти цвета делали меня крайне неприятным для восприятия. Один цвет во время испытаний я исключил полностью – это был коричневый цвет. Влияние этого цвета я понял достаточно давно. Он лишал меня возможности принимать правильные решения.

Еще в юности, изучая историю, я обратил внимание на то, что люди периодически делают своими символами те или иные цвета. Наша страна была поделена на «белых» и «красных». В мире народ использовал все цвета радуги. И каждому цвету приписывали какие-то свойства. Чаще всего выдуманные, но иногда попадающие точно в цель.

Коричневый цвет был выбран фашистскими лидерами неслучайно – цвет остановки, цвет неподвижности, цвет догмы. Тем, кто выбрал такой цвет, тем, кто облачил в него сво-

их последователей и внушил им, что именно этот цвет является символом, объединяющим в стремлении к мировому господству, отчасти надо отдать должное. Почему отчасти? Да потому, что на первоначальном этапе, выбирая этот цвет, они были правы. Этот цвет, как никакой другой, способствовал лишению критики, интуиции, способности слышать не только слова, но и чувствовать скрытый смысл поступков и деяний лидеров. А вот потом, под воздействием того же самого спектра, и интуиция правителей дала сбой. Сбой, который разрушил всю эту систему. Исходя из этого и еще из многих и многих факторов (о них я расскажу по мере повествования), я сделал вывод, что у нацистов, которые на весьма серьезном уровне занимались эзотерикой, серьезных эзотериков как раз-то и не было. И слава Богу!

Я не люблю ходить по магазинам без цели, а здесь была конкретная цель: мне требовалась одежда определенных цветов для того, чтобы менять ее в соответствии с цветом энергетики дня. Я выбрал ближайший большой магазин, расположенный на западе Москвы. Запад любого города мира – это моя территория, там мне помогут, подскажут и будут улыбаться. Собственно, так и произошло: мне помогли все подобрать и даже дали скидку, потому что я купил семь сорочек и два свитера, и, кроме того, одна девушка-продавщица меня узнала и попросила автограф!

В своей жизни я подписал миллион документов, никак не меньше. Работая на таможне, на оформлении, в смену я ста-

вил свою подпись сотню раз, и это был не автограф – это была колоссальная ответственность за свои действия, и прежде, чем я ставил подпись, в голове в ускоренном режиме срабатывала внутренняя инспекция. Таможня отправления, таможня назначения, маршрут, код товара, номер транспортного средства, инвойс и множество других параметров, необходимость соблюдения которых строго регламентирована, и за каждую цифру ты несешь персональную ответственность, заверяя ее своей подписью и личной номерной печатью.

А здесь было все просто. Улыбка и просьба: «А можно автограф?» Конечно, можно! С большим удовольствием и с пожеланием всего наилучшего! Жаль, что на таможне нельзя было приписывать эти слова: «С наилучшими пожеланиями, Александр Литвин!»

Я поймал себя на мысли, что на этой небольшой автограф-сессии я впервые вспомнил о работе. События последнего времени настолько далеко спрятали эти воспоминания, что только автоматическое выполнение такой функции, как роспись на листе бумаге, вернула меня к воспоминаниям о работе, которой я занимался много лет и, уж поверьте, любил ее. Эта мысль потянула за собой следующую. А что, если выполнение какого-либо ритуала, какого-либо механического действия поможет мне при сдаче очередного экзамена?

Я подписал протянутый мне листок бумаги и в ту же минуту погрузился в прошлое. Даже номер личной номерной печати всплыл в моей памяти. Я пока не понимал, как смогу

использовать это «включение» через физические движения тела, но то, что это надо использовать, я запомнил. И случай представился достаточно быстро.

Очередное испытание. Время мое, вечер. Грумер Оксана на месте, опять традиционный Андреевский крест маховой кистью по всей физиономии – и я глохну и слепну. Все-таки уникальная энергетика у этой девушки. Она и сама не знает, как много делает для меня.

Выхожу на площадку, под софиты и камеры. Стол. За столом сидит молодая женщина. Еще до объявления задания я почувствовал ее горе. Я знаю эту эмоцию, этот запах, я знаю это состояние. Это и мое состояние, и мой личный опыт. Это потеря близкого, родного человека. Мне дают телефон. В нем фотография девочки лет четырнадцати-пятнадцати. Я должен рассказать про нее все, что знаю.

Я уже знаю, что девочки нет, – тоска ее матери накрыла меня с первых секунд. Фотография в телефоне. Энергия отличается от простой фотографии. На простой фотографии мы видим отраженные лучи, а электронная – сама генерирует фотоны света, и не всегда эта генерация совпадает с отраженными лучами. Мне нужно запомнить ее образ. Чтобы дать правильный ответ, нужно задать правильный вопрос. «Могу я узнать имя девочки?» Убитая горем мать называет имя. Я всматриваюсь в фотографию. Я смотрю пристально. Я смотрю так пристально для того, чтобы в момент, когда я закрою глаза, ее изображение отразилось на сетчатке моих

глаз и я смог бы задать вопрос в отношении конкретного человека с конкретным именем и с конкретным обликом.

Совершенно неожиданно в моей голове возникает образ какого-то предмета, похожего то ли на папаху, то ли на мужскую шапку, внутри которой лежат скрученные полоски бересты – такие трубочки я в детстве использовал в качестве поплавков для сетей, которые вязал мой отец: берестяную полоску бросаешь в кипяток, и она сворачивается в трубочку.

У меня не было вопросов, почему шапка, почему береста – память на мгновение отбросила меня во вчерашний день: физическое движение тела как способ активизировать интуицию. Достāju одну из полосок, представляю ее в своих руках и, не открывая глаз, начинаю разворачивать. Физически разворачивать, руками. Пусто. Следующую – пусто. Следующую – пусто. Следующую – есть! Я вижу текст, прощальный текст и понимаю в одно мгновение: это самоубийство. И последующее величайшее сожаление о содеянном.

Эту девочку никто не понял. Она уже стала взрослой, но ее никто не понял. В детском теле была уже взрослая энергия, со своими сформировавшимися взглядами, со своей оценкой этой жизни, которая не совпадала с мировоззрением мамы, не разглядевшей свою взрослую дочь. Мать убита горем, и хватит ли у меня выдержки не указывать ей на ее ошибку и объяснять почему? Пожалуй, озвучу только сам факт смерти и ни слова больше. Очень тяжело и жалко всех.

И больше всего – эту девочку, для которой испытания только начались.

Экзамен сдан. Удовлетворения от успеха никакого. Очень жесткое испытание, с настоящей подлинной эмоцией невозвратной потери. Из положительного отмечаю новый для себя способ активизации интуиции посредством простых физических движений. И только сейчас возникает вопрос: почему береста? Из каких таких задворок моего подсознания я вытащил именно этот древний материал для сообщений, этот древний артефакт? Я до сих пор не знаю ответа. Потом я «вытаскивал» свернутые в трубочку обычные тетрадные листы, в другой раз вместо бумаги мне попались квадратные кусочки хорошо выделанной кожи, и я видел либо текст, либо какое-то изображение на них. В письмах от зрителей все чаще появлялся вопрос: что я делаю руками, когда прохожу испытания, может быть, тяну какую-то волшебную нить? Нет, это была не нить, я разворачивал свернутые трубочки с информацией.

Интересно получается, пришел сдавать экзамены, а на самом деле – учусь. Учусь экстерном, по ходу сессии. Всему свое место и время. Сейчас это время мое, и все, что было до этого момента, сконцентрировалось до точки. Все мои мысли были направлены на победу, но, как оказалось, я еще многого не знаю. И все же мне перестали сниться сны об экзаменах, а это значит, что я на правильном пути и надо продолжать учиться.

6

Я ехал в метро из центра Москвы и уже традиционно сидел с блаженной улыбкой, благодаря всех знакомых и незнакомых мне людей за поддержку. Вдруг поезд дернулся, и какой-то неуклюжий пассажир в дурацкой шапочке всем своим весом обрушился на меня, вернув в объективную реальность, которая заключалась в сильнейшей боли в районе стопы, придавленной сапогом сорок пятого размера на толстой рифленой подошве. Мужчина был настолько неуклюж, что, подняв свою ногу, немедленно переставил ее на изящный сапожок сидевшей рядом девушки. Я посмотрел на свою обувь. «Где он нашел в Москве столько чернозема?!» Да, вид у меня явно непрезентабельный, а я ж без пяти минут звезда!

Вот еще одна издержки популярности – надо выглядеть аккуратным в одежде. Не то чтобы я раньше был неряхой, совсем нет, но сейчас на меня стали очень часто обращать внимание, и я чувствовал бы себя комфортней, если бы на мне не было никаких особых изъянов. Я вышел на первой же остановке – надо купить салфетки и обувной крем в компактной упаковке, который пригодится вот в таких непредвиденных обстоятельствах.

Я шел и думал про этого мужчину. Для чего же ты мне ногу оттоптал? Я не туда иду? Я что-то не то делаю? Сканировать прошлое бессмысленно, так как ошибка могла быть со-

вершена лет тридцать назад, а не сейчас. Ладно, будет видно.

Остановка, на которой я вышел, оказалась как нельзя более подходящей для моих целей. Я вышел из метро прямо к рынку «Лужники». Огромная толпа народа несла меня к торговым рядам, конная милиция с высоты, с очень важным видом наблюдала за этим человеческим потоком, который двигался во всех возможных направлениях. Я шел, стараясь быть в этой общей массе, в потоке, избегая столкновения со встречными людьми.

Взгляд. Я его не увидел и даже не поймал боковым зрением, я его почувствовал и остановился. Остановился так резко, что идущие сзади не успели отреагировать и активно навалились на меня. Развернувшись левым плечом к людскому потоку, я увидел точно такое же завихрение в том месте, откуда меня остановил чей-то взгляд. Светлана Петровна Есенина. Она энергично двигалась в мою сторону и улыбалась так радостно, как будто мы с ней сто лет знакомы. Ловко маневрируя, эта маленькая хрупкая женщина стремительно приближалась ко мне. Люди поняли, что ей очень надо, и расступились.

– Александр! Я ищу вас целый месяц! На телевидении мне почему-то не дали вашего телефона, обещали, но так и не перезвонили. И все это время я вас ищу, ну надо же!

Я улыбнулся ей в ответ.

– Да уж, Светлана Петровна, если надо, то тебе и мужик все ноги оттопчет!

Светлана Петровна удивленно вскинула брови:

– Какой мужик?

– Тот, который мне в метро умудрился наступить на ногу и из-за которого я вот здесь, на этом рынке, между прочим, впервые в жизни! А оказывается, я сюда не за кремом для обуви пришел, а для того, чтобы с вами встретиться!

Я вдруг вспомнил тот случай, когда на остановке в Люберцах встретил своего сослуживца, которого не видел более двадцати лет. Тогда я пришел на встречу интуитивно, а сейчас меня привели.

– А вы здесь часто бываете, Светлана Петровна?

– Нет, что вы, года три уж точно не была!

Ну вот, теперь мне все понятно. Она хотела встретиться. Она сильно этого хотела!

Мы обменялись телефонами, договорились созвониться и отправились каждый по своим делам. Она – в свой музей, которым заведовала, а я – за салфетками и кремом, совершенно счастливый от осознания того, что неуклюжий мужик в данном конкретном случае не признак каких-то моих неправильных действий в прошлом, а инструмент мироздания, перенаправивший меня для встречи в конкретную точку с конкретным человеком. Интересно, он там еще девушке на ногу наступил, ее-то этот «инструмент» куда отправил? Она-то точно его послала. Я слышал.

Дома никого: Альберт в университете, Евгений на работе. К ужину есть все необходимые продукты, а значит, есть время на проверку почты.

Опять множество сообщений, но внимание зацепило одно. Девушка пишет, что подходила ко мне после какого-то испытания. Да, подходила, вспомнил ее. Округлое лицо, средней длины светлые волосы, большие голубые глаза. Помню, сказал, чтобы нашла меня в соцсетях. Нашла. Она пятнадцать лет в браке, детей нет, с мужем любят друг друга. Смогу ли ей помочь? Ответ пришел раньше, чем я задал себе вопрос. Смогу. Знаю точно, смогу. Уверен в этом!

Был поздний вечер, мы сидели в каком-то кафе. Я смотрел на эту молодую женщину, пытаюсь понять причину тревоги. С точки зрения медицины я не видел каких-то проблем. Но какое внутреннее напряжение! Спазм! Она сжата до состояния гранита, а ей бы быть плодородной почвой. Надо смотреть родню. Мама, папа, когда родились... Так, мама мне не нравится. Умна, расчетлива – ей только двадцать, а она уже думает о старости, кто ей стакан воды подаст.

Она и дочь все время вместе, постоянно рядом. Дочка в няньках уже лет с двенадцати. Шустрая девочка, постоянно находящаяся в состоянии жертвы. Очень энергична во внешнем мире, но, возвращаясь домой, каждый раз становится

всем должна и прежде всего – собственной маме.

Мама, конечно, декларирует свою искреннюю озабоченность тем, что нет внуков, но боязнь остаться без опеки дочери, без стакана воды заставляет ее практически на уровне безусловного рефлекса делать дочь виноватой. А та, похоже, уже свыклась с этой ролью. Перманентное состояние вины серьезно снизило ее женский потенциал.

Так, посмотрим, что может быть у мамы в плане здоровья. Через год-полтора будет проблема с сосудами. Не прозевать этот момент, когда будет под угрозой, а пока надо готовить эту девушку к беременности. Для начала надо дать ей волю и усилить критичность, способность преодолевать свой страх и говорить «нет», еще не выслушав оппонента. Ей будет сложно, будет сложно с людьми и мамой, но это временное явление.

Так. Чтобы она поверила, мне нужно сделать нечто удивительное на физическом уровне, на осязаемом. Между нами стол, прошу ее положить на него руки ладонями вверх и закрыть глаза. Сейчас мне понадобится все мое воображение и знание анатомии. Я перестаю дышать. Мне нужна легкая гипоксия, и в этом состоянии важно четко представить строение ее внутренних органов. Опыт в этом деле у меня достаточный, практика в хирургическом отделении даром не прошла.

Мне нужно увидеть ее солнечное сплетение. Увидеть в своей голове настолько реально, насколько это возможно. А

потом просто сжать его. Нужен просто импульс. Она женщина и, скорее всего, ни разу в жизни не получала удар в эту область, но сейчас нужен легкий шок. Только после этого она мне поверит, а там уж сам организм начнет работать в автономном режиме, вырабатывая и усваивая все необходимые для беременности вещества.

Ее вскрик вернул меня в реальность. Девушка сидела бледная, прижав руки к животу.

– Что это было? – в глазах был одновременно и испуг, и восторг.

– Я немного тебя подстроил. Извини, это не всегда приятно, а предупреждать нельзя, эффекта не будет.

Она не поняла, о каком эффекте я говорю, она решила, что о болевом.

– Все хорошо, родишь. Годик или чуть больше. Подожди.

Она ушла, и я знал, что она родит ребенка.

Примерно через год я написал ей письмо, в котором сообщил, что ее маму нужно срочно показать сосудистому хирургу. Хирург выявил тромб и отправил женщину на экстренную операцию. Вся ее сила теперь была сконцентрирована на собственной регенерации. А дочка в это время забеременела. Она родила девочку, которую я увидел уже двухлетней, когда они приехали ко мне в офис. Очень энергичная, подвижная девочка, похожая на свою маму.

Кто я? Кто через мои знания и интуицию исправил ситуацию, выстроив людей, как шахматные фигуры на доске,

и разыграв такую блестящую комбинацию, в которой я был практически ферзем, имея знания и, соответственно, максимальную свободу? Но ведь это не конечный путь моей работы. Я прекрасно понимал, что все это промежуточные турниры и мне понадобится время, чтобы подойти к главной партии в своей жизни.

8

Светлана Петровна позвонила мне рано утром. «Саша, здравствуйте, будет ли у вас время встретиться со мной? У меня очень много вопросов, которые касаются Сергея Есенина». Я не мог ей отказать. Она была мне симпатична своим прямым взглядом, своим орлиным профилем, даже своим хриплым голосом. И еще она была очень честным человеком.

Я купил торт и отправился в гости к племяннице Сергея Есенина – русского поэта, русской легенды, множество стихов которого я знаю наизусть. Нет, кумиров у меня нет, Бог миловал, но уважение к этому человеку было и есть огромное. Талант его достоин уважения.

Светлана Петровна жила на Комсомольском проспекте. Обычный московский дом, я быстро нашел его и позвонил в домофон. «Да, да, открываю», – раздался ее хриловатый голос. Запищал зуммер, и дверь подъезда открылась. Я поднялся на лифте и вошел в квартиру.

Обычная, совершенно обычная квартира, но энергетика ее была необычной – в доме было уютно, прямо с порога. Светлана Петровна предложила мне тапочки, а шикарный огромный кот потерся о мою ногу. Я люблю только своих котов, к чужим отношусь с недоверием, но этот кот был такой же уютный, как и квартира. Он был частью этого уюта, и, как

я его понял, он не был против моего визита.

Из комнаты в прихожую вышла симпатичная девушка.

– Саша, – она протянула мне руку.

– Это моя внучка. Она здесь у нас главная!

Ну, я-то понимаю, кто здесь главный. Саша просто любимая, а главная – она, Светлана Петровна Есенина. Своих я чувствую за версту. У этой женщины потрясающая интуиция и характер железный. Она все делает искренне: и любит, и ненавидит. Обмануть ее мало кому удавалось, и сама она никого не обманывала. Все эти мысли возникли спонтанно, по ходу моего перемещения на кухню.

Мы расположились в уютной кухне и закурили. Курили «Приму», ту самую «Приму», которая когда-то стоила четырнадцать копеек за пачку. Интересно, где она их берет, эти сигареты из прошлого, неужели их еще выпускают? Она как будто прочитала мои мысли. «Я другие сигареты не курю, кашляю. Хорошо, что эти еще есть в продаже, но уже далеко не в каждом магазине. Пробовала бросать, не получается».

– Саша, – она внимательно посмотрела мне в глаза, – я тебе скажу так: ты не обижайся, то, что ты там показал, это было все правильно, но все же я должна быть уверена. У меня к тебе еще пара вопросов есть.

Она вышла из кухни и быстро вернулась. В руках у нее был альбом с фотографиями и шкатулка. Она поставила на стол шкатулку.

– Вот, видишь этот предмет? Что скажешь?

Шкатулка представляла собой произведение искусства. Изящная резьба, утонченный орнамент, вещь хрупкая, нежная и, вероятно, дорогая. Да, в таких только украшения хранить, подумал я, но это была логика, не мой вариант. А мой вариант был простой. То ли хозяйка читалась как открытая книга – она, по сути, таковой и была, то ли день располагал к интуитивным озарениям, но я, ничуть не задумываясь, сказал, что при всей ее внешней красоте роль у шкатулки довольно простая: там хранился табак. Светлана Петровна была явно довольна!

– Да, Сергей Александрович использовал этот дорогой предмет как табакерку! Теперь второй вопрос. Он, возможно, более сложный.

Светлана Петровна достала из альбома две фотографии. Фотографии были сделаны сотрудником милиции в день смерти Есенина в номере гостиницы «Англетер», что в Санкт-Петербурге. Раньше мне эти фотографии не попадались, хотя, может быть, еще и потому, что я никогда не вникал в обстоятельства гибели поэта.

– Дело в следующем. Одна фотография отражает правильную картину, а вторая – зеркальная. Зеркальная фотография была размещена в газетах того времени, но мне в результате исследований удалось разобраться в этом вопросе. Попробуй теперь ты определить.

Я положил фотографии на стол изображением вниз. Здесь – как в институте. Ищу билет, на который знаю ответ. Моя

задача – поймать изменение в ощущениях, эту тонкую вибрацию, еле уловимое дуновение, и уловимое даже не рукой, а разумом. Да – нет, да – нет. Я выбрал фотографию, которая дала ответ.

Светлана Петровна была счастлива. Она искренне была рада тому, что я справился со всеми ее заданиями. Но чего же она от меня хочет? Ведь не ради этой табакерки и фотографий она меня пригласила.

– Саша, а знаешь, как я определила то, что в газетах зеркальный снимок? Вот смотри, видишь вешалку в углу номера?

– Вижу.

– Обрати внимание на пальто. Что скажешь?

– Пальто как пальто. Толстое, зимнее, на ватине. Надо полагать, что очень теплое и тяжелое.

– Это мужское пальто. – Светлана Петровна пристально посмотрела мне в глаза.

– Вижу, что мужское, и что?

– Мужское пальто всегда застегивается справа налево, и пуговицы у него пришиты на левой стороне.

Теперь мне все стало понятно. На зеркальном снимке пуговицы были пришиты на «женскую» сторону.

– Вы детектив!

– Да уж, станешь им, пожалуй, столько нестыковок. Ты там, на съемке, все очень правильно описал и ошибся только с полом. И еще ты сказал, что это убийство.

– Да, я и сейчас могу сказать: это убийство. И инсценировка самоубийства. А кроме всего прочего, я полагаю, имел место грабеж.

Светлана Петровна налила мне чаю и присела напротив.

– Я очень хочу исправить ошибку. Это несправедливо, считать поэта самоубийцей. Люди должны знать правду!

– Но как я могу вам в этом помочь?

– Понимаешь, Саша, вот ты так уверенно все сказал и сейчас так уверенно все определил, ты мне дал силы для продолжения. Есть еще одно задание для тебя, но нам надо будет с тобой сходить на Ваганьковское, на могилу Сергея Александровича. Ты там сам все поймешь!

Заинтриговать меня очень легко. Ей достаточно было сказать, что я сам все пойму. Ох, как же она чувствует людей!

Светлана Петровна закашлялась.

Бронхит одолевает... Как осень – так бронхит. Да и сигареты эти еще.

– Светлана Петровна, я вам настоятельно рекомендую проверить легкие. Не нравится мне ваш кашель.

– Что ты, Саша, я уж лет двадцать кашляю...

– Мы договорились о встрече, и по дороге домой я думал не о Есенине, а о том, что кашель этот – признак грозной болезни, которая даст летальный исход. Надо успеть выполнить просьбу и съездить с ней на Ваганьковское.

9

Звонок из офиса съемочной группы. Завтра в десять ноль-ноль, метро «Коньково», центр зала. Вроде бы и ждешь, а всегда неожиданно.

Я за все время экзаменов ни разу не заказывал сон. Как-то закрутился и забыл об этом способе получения информации. Забыл потому, что практически не спал. До четырех утра я отвечал на письма, а в восемь уже подъем – парни мои вставали в это время, и мне надо было приготовить им какой-то завтрак и проводить.

Спал я крайне мало. При этом мое физическое состояние было идеальным. Я не уставал, я совершенно не уставал, и этих четырех часов сна мне было более чем достаточно, но они были без сновидений. В армии есть такая шутка: по команде «отбой» глаза закрываются одновременно и со щелчком открываются. Вот и со мной так было: щелк – и уже подъем. И что снилось – не помню.

Я решил, что все-таки надо попробовать что-то увидеть во сне. По крайней мере, попытаться. К тому же день был подходящий: гравитация, по моим ощущениям, несколько снижена, а влажность воздуха высокая, остается только отрегулировать температуру воздуха в квартире. Это несложно, уже осень, и ночи прохладные. Сыновьям объяснил, что сегодня будем спать при низкой температуре. Альберт улыб-

нулся: «Что, сны смотреть будем?» Да, будем. Надо использовать все, что я умею. Ритуал привычный: окно нараспашку, душ и воспоминания. Я слушал шум воды, и память постепенно уносила меня в летний дождь.

Июнь. Мне лет десять-одиннадцать. Дождь идет уже вторую неделю, он несильный, монотонный, и кажется, что никогда не кончится. Уже две недели каникул, а дождь все идет и идет. Какая досада, я ведь хотел с другом Серегой на лодке уплыть вверх по реке. Сереге подарили новую лодку, складную, дюралевую. Нам не терпелось ее опробовать, и вот этот дождь. Зато под него хорошо читать, никто не мешает, родители на работе, огород поливать не надо, хоть в этом повезло. Дождь.

Проснулся посреди ночи. Сон... что-то было... Что было? Вспомнил лишь одно мгновение: парящие в воздухе круглые золотые часы с римскими цифрами на циферблате. Они просто висели в воздухе.

Второй раз я проснулся в восемь утра, накормил парней, надел голубую, в цвет энергии дня, рубашу и поехал в Коньково. По дороге опять загнал себя в состояние максимального счастья.

Вот и центр зала. Теперь главное – скорее выйти на поверхность: мне нужно не меньше часа на то, чтобы убрать энергию подземелья, глушащую мою интуицию. Не могу сказать, что она уж очень сильно мне мешает, но это экзамен, и желательно устранить все риски.

Съемочный процесс, как, впрочем, и всегда, затянулся, однако не настолько, чтобы выйти на мои природные рубежи. Середина дня, солнце очень высоко, а мне нужна ночь. Ночь для меня – лучшее время для правильных вопросов и правильных ответов.

Ко мне подходит незнакомая худенькая невысокая девушка. По радиостанции, закрепленной на ремне, я понимаю, что она из съемочной группы. В руках у нее какая-то акварельная кисточка и тюбик.

Александр, давайте я вас немного подгримирую, чтобы вы не блестили в кадре.

– Стоп, стоп, барышня, а где Оксана?

– Оксаны сегодня не будет, у нее ребенок приболел.

– Ну вот, началось. Не мой денек. Ну да ладно. Иду на площадку.

На площадке в ряд сидят люди, человек двадцать, мужчины и женщины. Вопрос простой: что их объединяет? Особо разглядывать их нельзя, логика даст о себе знать, да и времени у меня немного. Закрыв глаза. Темно, темно, но вот начинается какое-то движение. Темнота вращается, светлеет и начинает быть похожей на пятно бензина в воде, переливаясь всеми цветами радуги. Вдруг появляются цифры, они просто двигаются в пространстве в одном направлении, слева направо белые на черном фоне, они плывут одна за другой и все. Я открываю глаза. Я говорю: «Их объединяют цифры».

И все, мне бы замолчать и больше ни единого слова!

Но ведущему этого мало, он настаивает на подробностях, и враг мой, логика, уводит меня далеко от правильного ответа. Цифры – может, они бухгалтеры? Ведущий торжественно и с нескрываемым удовольствием объявляет: «Эти люди родились в один день!» Я тут же вспоминаю свой сон. Парящие в воздухе золотые часы с римскими цифрами. Ох, какая досада. Какой же я бестолковый. Да, те цифры, которые я видел на съемочной площадке, и сон, который я забыл, в совокупности могли меня привести к правильному ответу.

Ну что же, опыт – ум дураков. Но вдруг понимание того, что меня не оставили без внимания и показали правильный ответ, уничтожило мою досаду, и настроение у меня опять стало хорошим. А желание было лишь одно: пусть ребенок у гримера Оксаны поскорей выздоравливает!

Мне надо к реке, к воде. Спрашиваю у руководителя съемочной группы, есть ли у меня время выехать за город. Завтра будут испытания? «Нет, завтра испытаний не будет, но вы должны быть готовы». Мне нужен один день, один световой день. «Один день у вас есть. Но только день!» Руководитель весьма серьезен. По возрасту он примерно как мой старший, Евгений. Пытается солидно выглядеть. Плохо, конечно, у него получается, но старается. Отлично, спасибо!

Дома сажусь за компьютер и печатаю в поисковике: «рыбалка в Подмосковье». Мне нужен природный водоем на западе от города, и еще одно условие – в нем должна быть рыба. Поискник выдает множество ответов, выбираю по карте

ближайший – Истринское водохранилище, и захожу на форум выяснить по отзывам, есть ли там рыба. Рыба есть.

В семь часов утра я вышел из квартиры – навстречу соседка. Хороший знак. С собой у меня сумка, а в ней теплая подстежка к куртке, бутерброды, вода и навигатор, который я привез с собой в Москву с Урала. Сначала на электричке, а потом на автобусе я добрался до берега водохранилища. Полтора часа ушло на дорогу, но скучно мне не было, я еще ни разу не ездил в этом направлении и поэтому с удовольствием смотрел в окно.

Был тихий будний день, берега озера были пустынно. Осеннее синее небо и спокойная гладь озера, в отсутствие ветра представлявшая собой идеально ровную поверхность, на которой периодически возникали круги от играющей рыбы. Я умыл руки и лицо в холодной и прозрачной воде. Да, хорошо, что никого нет, а то выглядеть сейчас я буду довольно странно. Я достал из сумки подстежку, расстелил ее на сухой траве и уселся, положив руки на колени. Ладони мои были обращены к небу. Буду сидеть два часа, и все два часа буду представлять, что я сдал экзамен, и все два часа буду благодарить за помощь и поддержку.

Они пролетели незаметно, два часа на берегу озера. Два часа наедине со своими мыслями и природой. Бутерброды я съел уже на обратном пути, в электричке, а там, на берегу, я напрочь забыл про них, потому что состояние мое было удивительным. Так было в детстве, когда в степи, ровной

как стол, находишь небольшой бугорок, лежишься на него и смотришь в небо, и кроме неба ничегошеньки не видишь, а за спиной у тебя вся огромная земля, она помешается только на твоих лопатках. Невероятное ощущение земли за спиной и огромного пространства впереди! Мне очень важно было это вспомнить.

В ту ночь впервые со мной случилось нечто необъяснимое. Дети уже спали. Я, надышавшись свежим воздухом, решил тоже лечь пораньше. Ложе мое было непритязательным – надувной матрац. Для кого-то это обычный предмет обихода, по необходимости извлекаемый с антресолей в случае приезда гостей, но для меня это было рабочее место, место моих лучших сновидений. Я подозреваю, что воздушная прослойка между мной и планетой отчасти способствовала хорошему сигналу.

Впервые я заметил этот эффект на рыбалке, когда поздно вечером приехал на озеро, поставил палатку, накачал матрац и лег вздремнуть в ожидании рассвета. Я увидел сон, в котором смог запомнить огромное количество деталей, и утром решил, что это, вероятно, сказалась близость природы, прохладный и влажный воздух. Сон принес информацию, которая не нуждалась в интерпретации: события, которые я видел во сне, вскоре произошли в реальном времени, практически без искажений. Во сне я увидел бурю, которая разыгралась над озером. Ветер поднял высоченную волну, палатки рыбаков взлетали в воздух и даже тяжелые резиновые лодки

парили высоко в небе, как воздушные змеи...

Утро было безветренным, водная гладь была абсолютно неподвижной, и я, в предвкушении отличного клева, погреб в ближайший заливчик. Внезапно небо на западе потемнело. Я, хоть и был увлечен рыбалкой, все же заметил приближающуюся тучу и вспомнил свой сон. Быстро сложив снасти, я поднял якорь и, налегая на весла, направился к берегу. Рыбаков по пути было много, и я, проплывая мимо, кричал им, чтобы они выходили на берег. Я успел вовремя: собрал палатку и привязал лодку к машине. А потом началось.

Это была самая настоящая буря с ураганным ветром, как будто включился мощнейший вентилятор. Ветер не менял ни направления, ни своей силы – единый порыв длиной в десять минут. Я взглянул на озеро – оно стало каким-то необычным. Я не сразу сообразил, что вид его изменился из-за того, что трехметровый камыш придавило к воде. В воздухе крутились лодки, палатки, какие-то пакеты, и все это было мне знакомо – во сне происходило именно так. Отключился ветер как по команде, и наступила тишина. «Вот спасибо», – я проговорил эти слова вслух, обращаясь к небу.

Вот и сегодня, после поездки на Истринское водохранилище, набравшись энергии воды, я наверняка увижу что-нибудь помимо своей воли. Что-то важное и необходимое.

Я лег на спину и закрыл глаза. Сейчас посплю, а днем отвечу на все письма, если, конечно, не вызовут на очередное испытание. Но я так и не уснул. Я почувствовал легкую виб-

рацию. «Машина, что ли, под окнами работает?» Нет, тишина. Вибрирую – я. Странно. Вибрация усилилась. Вдруг я стал невероятно легким и... взлетел. Я висел в воздухе примерно в полуметре над собственным телом. Я понимал, что могу подняться и выше, но откуда-то вдруг взявшийся страх за оставленное тело не позволил мне этого сделать. Так продолжалось минуты три-четыре. Дети спали, фонарь за окном хорошо освещал комнату, и я видел все: и часы, и детей, и собственное тело. Я решил, что надо бы вернуться, и плавно опустился. Вибрация прошла.

Я встал и налил себе чашку холодного чая. Вот такого я точно никогда не испытывал. Что это было? Психика иногда может дать парадоксальные реакции, но то, что это не сон и не галлюцинация, я был уверен. Хотя как можно быть уверенным в том, чего не видели другие. Я помню свои опыты с гипнотическим сном – человек, которого я гипнотизировал, не поверил, пока не услышал аудиозапись своего голоса а капелла в состоянии сна. Поставить видеонаблюдение за собой, что ли?

Сон как рукой сняло. Я включил ноутбук и погрузился в письма. Их становилось все больше и больше. Невероятное количество вопросов и историй, и в каждом письме просьба: «Помогите!» Невольно я вспомнил героя голливудского фильма. Но я же не Брюс Всемогущий. Хотя сейчас, за чтением всех этих писем, у меня складывалось именно такое ощущение.

Люди думают, что я могу все, у них есть надежда на это! Хотя я, как и все, создан по образу и подобию Творца – я это знаю, мне в это даже верить не надо, весь мой опыт говорит о том, что это так и есть. Но я знаю и то, что не всем могу помочь! Справедливость. Вот камень преткновения! Справедливость должна быть реализована – именно поэтому я не могу помочь всем!

Справедливость должна быть реализована. Не в отношении тех, кто в данный момент страдает здесь и сейчас, кто в этих многочисленных письмах спрашивает меня: «За что мне все это?!» Справедливость должна быть реализована в отношении тех, кто создал эту ситуацию в прошлом. Справедливость, растянутая во времени, по поколениям, пролонгированная и неотвратимая. Справедливость – она как гравитация на Земле. Она нам мешает, но жить без нее – невозможно! Вот с этим я не могу бороться и не должен. Потому что справедливость всегда реализуется. Да, есть, с моей точки зрения, простые ситуации, когда можно человеку помочь, изменив его судьбу изменением направления движения в пространстве, или сменой работы, или даже сменой продуктов питания. В этом я могу помочь – найти свое место в жизни. Но если в роду есть неизрасходованная справедливость – здесь могу только дать рекомендации по смягчению ситуации, но исправить ее не смогу даже при всем моем желании.

Мы все друг для друга независимые и некоррупцирован-

ные судьи. Каждый наш современник – наш судья! Неважно, кто рядом с тобой: богатый или бедный, с властью или нет – учет наших эмоций ведется весьма строго, и в зачет идет исключительно справедливая оценка. Обстоятельства, которые могут приводить к заблуждению человека, оценку нам дающего, в самой оценке всегда учитываются, и только правда остается неизменной. Если мы не сделали ничего плохого с точки зрения тотальной справедливости, но между тем людям кажется, что именно мы виноваты в том или ином случае, никакой отрицательной реакции мироздания на их слова не будет, даже если слова были сказаны искренне. Человек может искренне заблуждаться, и эмоция его может быть искренней, но эта эмоция не будет иметь никакой роли в реализации справедливости. Она вообще не будет играть никакой роли по отношению к слушателю. А вот по отношению к говорящему есть вероятность обратной реакции – это уж в зависимости от огорчения слушателя. Насколько эмоционально сильно он будет страдать от неправды.

У нашей страны весьма сложная история, и она еще не закончена. И реализация справедливости еще не закончена. Уж очень было много войн и революций, что пришлось на наших предков и нас, уж очень многие не справились с властью, превысив все мыслимые ее пределы. Все устроено справедливо. И ответственность наша перед будущими поколениями настолько велика, что порой кому-то бывает лучше не иметь детей, чтобы не обрекать их на крайне тяже-

лое существование. А таких горестных писем – множество. В каждом письме – личная трагедия. Вариантов просто не счесть, но все они начинаются в прошлом.

Я заметил, что теряю вес. Со мной опять что-то происходит. Пока это не очевидно по состоянию психики, но есть еще один признак, и он уже на физическом уровне.

Мне было лет двадцать пять, когда я, играя в волейбол, растянул связку голеностопного сустава – нога подвернулась во внешнюю сторону и связка вытянулась так, что пришлось обращаться за медицинской помощью. Хирург наложил мне лангету и сказал явиться на прием после того, как спадет отек. Хирург был мастером своего дела. Отек спал, но я обнаружил с внутренней стороны голеностопного сустава приличную шишку. На приеме хирург, показав на эту шишку, сказал: «Давай, выбирай время, будем оперировать, связка сама по себе не восстановится». Я отказался наотрез. Я тогда сказал доктору: «Ты знаешь, в этом мире возможно все, в том числе и устранение этой мелочи – ходить не мешает, эстетика, конечно не та, но это не главное».

Позже, при ежегодных медосмотрах, хирурги неоднократно предлагали операцию, но я стоял на своем. Шишка эта, конечно, мне мешала, особенно при длительных переходах – мне приходилось внимательно выбирать обувь, чтобы она не давила на эту область, но в целом это был незначительный дефект.

И вот как-то утром, натягивая носки, я с удивлением об-

наружил, что шишки нет! Она исчезла!

Женька, ты помнишь, у меня травма была и после нее шишка вылезла?

– Ну, помню, а что?

– Смотри, она исчезла.

– Женья подошел, посмотрел на мою ногу.

Да, действительно исчезла. Чудеса!

– Я однажды уже менялся, после трансфузии крови, но здесь не было никакого переливания, не было вообще ничего, за исключением отсутствия нормальной продолжительности сна, бешеной работы интуиции и ежедневных эмоций всепоглощающего счастья из будущего. Как это трактовать? Может быть, я просто пошел по тому пути, по которому надо, и с меня сняты ограничения? Хотелось бы, чтобы это было именно так!

Звонок. Метро «Юго-Западная». Одиннадцать ноль-ноль. Одежда теплая, желательно захватить непромокаемую обувь; возможно, придется ходить по лесу.

Лес не моя стихия. Энергия растительного мира, хорошо подходящая или хотя бы нейтральная для одних, для меня просто опасна. И поиск там будет затруднен. Если бы на том, самом первом испытании в ангаре, где я нашел человека в багажнике авто, были не машины, а, например, деревянные ящики, то маловероятно, что я справился бы. Но раньше времени огорчаться не буду. На месте разберемся.

Ровно в одиннадцать выхожу из метро. Грузимся в мик-

роавтобус, окна которого заклеены непроницаемой пленкой. Едем на юг. Я достаточно неплохо ориентируюсь в пространстве и, хоть заклеивай окна, хоть нет, знаю, где юг, где север. Это знание, конечно, никаким образом мне не поможет, но на всякий случай фиксирую в памяти направление. По дороге стараюсь отключиться от внешнего мира. Сколько ехать – не знаю, но время терять не буду. Опять ухожу в себя, в свое состояние счастья из будущего.

Ехали часа полтора, скорость небольшая, пробки. Но вот наконец прибыли на место. Долго, очень долго шли испытания, меня все никак не вызывали. А и я рад: чем ближе к ночи – тем мне лучше.

Моя очередь подошла как раз в мое любимое время. Солнце за горизонтом. Ночь. Прохладно. Я стою у какого-то бетонного забора. Девушка из съемочной группы ведет меня к стоящему в глубине одноэтажному зданию. Пионерский лагерь? Очень похоже на пионерский лагерь. Подходим к зданию. Вывеска «Пансионат „Орбита“». Девушка прошла внутрь помещения, и через минуту вышла Оксана. В этом месте хочется поставить смайлик, но я пишу книгу. Я улыбаюсь ей как родной!

– Привет, Оксана, как твой малыш, выздоровел?

Она удивленно смотрит на меня.

– Да, все хорошо, а что?

– Да, все хорошо! Рад тебя видеть! Давай! Колдуй!

Оксана, конечно же, не поняла, что я имею в виду, но, как

обычно, энергично взмахнула своей кистью... и все, внешние датчики как будто отключились. Открылась дверь, и по взмаху руки я пошел на съемочную площадку.

Большой коридор. Запах, который мне хорошо знаком. Так может пахнуть только медицинское учреждение. С пятнадцати лет я знаю этот запах. Ведущий объявляет задание. Почувствуйте, что здесь произошло. Закрываю глаза. Картинка появляется стремительно. Багровые полосы по линолеуму. Кровь. Открываю глаза, двигаюсь дальше. Стол, стул, кабинет. Опять закрываю глаза. Пытаюсь вытащить информацию из какой-то банки. Пусто, пусто, вот – есть. Женское лицо, молодое, совсем молодое. Ох, какое нехорошее ощущение опасности. Где-то я уже его испытывал. Вспоминай! Цепляю в памяти свой страх еще раз. Вспомнил. Практика в психбольнице в Троицке. Толстые стены, здание бывшей тюрьмы. Мое дежурство. Больной ходит по коридору, все время повторяя: «Я русский и татарин, я русский и татарин». Он подходит к одному углу и крестится, подходит к другому и молится на арабском. «Я русский и татарин». И безумный, нечеловеческий взгляд и мой страх. Я все вспомнил.

Похоже, девушка убита душевнобольным. Холод по спине, очень холодно. Я себе верю. Смотрю, смотрю в эту черноту, картинка опять внезапная. Здесь, прямо под моими ногами, то место, где он ее убивал. Открываю глаза.

Передо мной женщина средних лет. Мама девушки. Ох, опять эта неизбывная тоска. Говорю все, что видел. Преступ-

ник пока не задержан. Многого на камеру говорить нельзя: скорее всего, он отслеживает информацию о себе. Экзамен я сдал, но оперативные сотрудники хотят со мной поговорить. Без свидетелей. Мы уходим в соседнее помещение. Парни молодые, с некоторым изумлением на меня смотрят, но в их взгляде больше надежды на мою помощь. «Вы его поймаете, я это знаю, за ним еще труп и, скорее всего, будет еще попытка. Он психически больной».

Я закрываю глаза. Мне нужны детали, и это уже не испытание, это серьезная работа, которая должна быть сделана на отлично. Картинка мелькнула стремительно, но я ее зацепил. Свиные туши на крюках двигаются по конвейеру. Кафельные стены, металл.

– Скажите, здесь рядом есть какой-нибудь цех по убою скота? Достаточно современный, с конвейерной линией.

– Да, есть, буквально десять минут на машине.

– Ищите там, этот человек связан с комбинатом, он или работал там, или жил очень близко, но он связан с ним очень плотно.

Мне дали карту-километровку. Я указал точку. Вот здесь еще труп. Оперативник подтвердил.

– Да, в этом месте у нас тоже убийство, но мы пока их не связывали.

– Свяжите, это его работа.

Устал, я очень устал. Самое сложное – говорить то, что видишь, при матери. Невыносимо просто.

Звонки из этого района Подмосковья стали поступать на мой мобильный месяца через четыре. Звонили все из уголовного розыска и прокуратуры, а раз из ФСБ – в какой-то воинской части пропали автоматы. На вопрос, кто дал мой телефон, один человек признался: «местные опера, вы с ними на проекте работали». Полез в Интернет. Так... Есть контакт! Задержан психически больной мужчина, убивавший женщин, – сын директора мясокомбината. Ну, хоть бы позвонили, что ли, мне же надо знать результат, знать для того, чтобы верить себе!

Заметил, что отношение съемочной группы ко мне немного изменилось. Повежливей, что ли, стали. И монтаж программы изменился. Теперь в эфир шло все, что я говорил.

До этого у меня было испытание, где по присутствующему на съемках ребенку нужно определить, кем был его далекий предок. Я определил довольно быстро и просто. Я посмотрел пареньку в глаза и смог почувствовать в нем нечто родное, четкое, быстрое, грубое, жесткое, острое и опасное. Армия. Старая добрая армия, которой я отдал пятнадцать лет своей жизни, а мой отец – все двадцать пять. Я сказал: «Его прапрадед – воинский начальник». Так и оказалось. Дедушкой этого мальчика был легендарный Василий Иванович Чапаев.

После съемок ко мне подошла мама мальчика, правнучка комдива, мы познакомились и обменялись телефонами. Я был доволен результатом и, в принципе, передачей в целом, но сразу по окончании эфира раздался звонок. Звонила правнучка.

– Александр, я очень возмущена!

– Чем? По-моему, все прекрасно!

– Да, да, все хорошо, но мне очень не понравился один момент: те слова, которые я говорила в ваш адрес, комментируя ваше испытание, вдруг оказались сказанными в адрес совершенно другого участника испытаний! Это несправед-

ливо!

– Я успокоил ее, я сказал, что справедливость есть, но не всегда она очевидна.

Придет время, и все встанет на свои места, не волнуйтесь за меня и не переживайте.

Во мне, конечно, все кипело, но что я мог поделаться. Выбор у меня был небогатый! На тот момент это была единственная площадка, единственная трибуна, с которой я мог заявить о себе. Моя задача – работать так, чтобы ни у какого монтажера даже мысли не появилось бы изменить суть происходящего! А для этого надо победить свое сомнение, свою собственную логику и не идти на поводу у ведущих, поторапливающих и заставляющих говорить что-то еще.

Письма. Их число перевалило за несколько тысяч. Я все так же, в случайном порядке, выбираю те, с которыми буду работать и на которые буду отвечать. География резко расширилась – очень много писем из-за границы. Не ожидал, что программа имеет такой успех у русскоязычных людей за рубежом. Особенно много из Германии.

Одно письмо откровенно порадовало. Пишет водитель-дальнобойщик, русский немец, знает меня по прошлой работе, много раз пересекал границу в мою смену. Говорит, что он стал немного звездой, так как знаком со мной. Спрашивал, не буду ли я работать в Германии. Приглашал в гости и предлагал всяческую помощь и поддержку. Само его отношение ко мне было крайне приятным, ведь работа на таможен-

не у меня была напрямую связана с человеческими эмоциями – нужно было и закон соблюсти, и человека не огорчить.

Я занялся аналитикой, и выяснилось, что нет ни одной европейской страны, откуда не было бы писем. Судя по количеству писем, желание встретиться со мной было у огромного количества людей. И многим я могу помочь. Не всем, конечно, но многим. Позже подумаю над этим, а пока цель моя конкретная и понятная, и те люди, которые сейчас пишут мне письма, очень искренне желают мне победы. Эту поддержку я чувствую ежедневно и ежечасно. Особенно это заметно в дни, когда я в эфире: состояние мое меняется, мне всегда очень жарко, и тем, кто в такие моменты находится рядом со мной, тоже становится жарко.

Сегодня такой день. Владивосток уже смотрит, и я потихоньку начинаю прогреваться. Мои старики все это время живут исключительно от эфира до эфира. Теперь им есть чем заняться осенними вечерами. Родня собирается за столом, ставят самовар, пьют чай и ждут. Во время эфира страшно переживают и обсуждают все происходящее, а после эфира ждут от меня звонка и высказывают свои претензии. Как-то после одной моей неудачи мама была очень раздосадована. «Ну как же ты не увидел очевидного факта? Ну надо же было ему в глаза посмотреть!»

Родителям было крайне интересно наблюдать за мной. И одновременно им стало не совсем комфортно в городе. Они у меня простые и совершенно не избалованные вниманием

общества, а тут под старость лет в одночасье стали известными. К моим старикам стали приходить разные люди: с просьбами, с проблемами, просили дать мой телефон или сообщить, когда я приеду. Какие-то журналисты из местных изданий стали атаковать расспросами. В общем, пришлось мне родителям дать подробный инструктаж. Моим бывшим коллегам по работе тоже доставалось, их тоже все спрашивали. Моя бывшая сотрудница как-то позвонила и говорит:

– Богданыч, нас тут письмами завалили, что с ними делать?

– В смысле завалили? В адрес таможни пишут?

– Да, так и пишут: Троицк, Таможня, Литвину.

– Леночка, ты все письма сохрани, я все равно вернусь и заберу их.

– Богданыч, ты бы там как-нибудь громко сказал, что ты из Троицка Челябинской области. Нам будет приятно! А то Троицков-то в России немало.

И вот сегодня выйдет в эфир программа, на съемках которой я подошел к Михаилу, ведущему, с просьбой обязательно добавить к слову «таможенник» еще и то, что я из города Троицка Челябинской области.

Мои старики сидят за столом за две тысячи километров от меня и уже смотрят мой эфир, а я просто пылаю от избытка энергии. Температура – 36,6, давление – 110/80, но руки мои горят огнем и еще есть странное ощущение в глазах, они тоже стали какие-то горячие. Раньше мне никогда не прихо-

дилось испытывать такой жар в глазах. Вот холод – доводилось. Когда три-четыре часа на улице при минус пятидесяти – глаза подмерзают, а здесь жар, и всегда в это время, в день эфира. Вот это эмоции, вот это поддержка – и в письмах, и в жизни! В таком состоянии у меня есть ощущение, что могу практически все! Состояние какой-то сверхсилы! Пока оно есть – буду просить Бога помочь мне. Пойду пройду, попрошу. И немного остыну: на улице легкий минус, и до московского эфира еще час.

Несомненно, эмоции людей имеют скорость света, а возможно, и превосходят ее. Я начинаю «загораться», когда на Сахалине восемь вечера, а пик этого огня приходится на десять вечера по Москве. Да, в европейской части людей намного больше, и очень похоже на то, что их одновременная эмоция делает меня таким. При этом мои физические параметры не меняются. Но люди на улице останавливаются, даже те, кто меня совсем не знают и не смотрят телевизор, они останавливаются – и мужчины, и женщины – и, глядя на них, я понимаю, что они это делают помимо своей воли. Просто останавливаются и смотрят. Что это? Как это использовать? И надо ли – использовать?

В голове вдруг неожиданно всплывает мысль, древняя как сам мир. «Не сотвори себе кумира». Может быть, в заповеди именно это имелось в виду? Может быть, наделяя такой сильной эмоцией своих кумиров, тем самым мы делегируем им всю свою силу? Надо думать, надо крепко думать. Я уже

давно знаю, что мысли не случайны, особенно появившиеся безо всякой аналитики. Не сотвори себе кумира.

Пора домой, через десять минут эфир. Мы с парнями садимся у телевизора. Я уже знаю, что там все будет хорошо, но волнение меня не покидает. Каждый раз перед просмотром меня немного потряхивает. Телефон мой уже совсем скоро разорвется от смс и звонков. Урал и мой родной Троицк уже в курсе событий, но отвечать никому пока не буду.

– Папа, а ты думал, что будет после? – Женя был очень серьезен.

– Нет, не думал, но, исходя из писем, работы будет много. Давай не будем торопить события. Скоро декабрь, и скоро все закончится, а пока – смотрим!

Я еще не в главной роли, но двигаюсь к этому каждую секунду, каждую минуту этой трехмесячной эпопеи.

Эфир был очень хороший. Я и так знал, что на предыдущей неделе мне многое удалось, но смотреть со стороны было очень интересно, особенно интересно было наблюдать за реакцией людей, которые все время остаются за кадром. За их глазами, за их жестами. Когда попадаешь в цель – это сразу видно. И, поверьте, это очень приятно – видеть удивленные глаза и осознавать, что это удивление, эту эмоцию вызвал ты.

Надо отдать должное съемочной группе, они умеют ловить эмоции. Работа на площадке без дублей, на все про все – десять минут. По мере съемок я стал понимать процесс:

кто за что отвечает, кто что делает на съемочной площадке. На первый взгляд кажется, что нет никаких правил, каждый делает что-то свое, кто бродит туда-сюда, кто чай пьет, короче, разброд и шатание. Но смотришь итоговый результат – здорово! Я стал понимать внутренний юмор телевизионщиков, их термины, их поговорки и пословицы. «Ученье – свет, а неученье – звук!» Интересная у них работа, творческая и очень динамичная. Мне, человеку системы, человеку регламента, вначале очень не хватало порядка. Я даже делал замечания по поводу плохой организации. А больше всего меня тяготило ожидание. Час, два, три. Ты сидишь в напряжении, все время на низком старте, а у них то брак по свету, то брак по звуку, то в самый ответственный момент, когда я вот-вот уже увидел картинку и мне нужно лишь ее запомнить и вытащить детали, какой-то неловкий сотрудник цепляется ногой за кабель и осветительный прибор с грохотом падает на пол – меня моментально, с каким-то невероятным скрежежом, выкидывает на поверхность из этого погружения, и это, наверное, похоже на кессонную болезнь у водолазов, когда вскипает кровь. Но все равно мне все это ужасно нравится! Я всегда мечтал посмотреть на процесс изнутри, и мне это удалось!

Почему-то людям нравится война. Они придумывают себе забавы, в которых всегда есть соревнование с себе подобными. И всегда – с элементами агрессии. Даже невинные в плане агрессии вещи словами обрамляются так, что это все равно война. И этот проект-трамплин не был исключением – в нем была попытка втянуть меня в войну. Слава Богу, я знал своего врага в лицо, и он был исключительно во мне, а не во внешней среде. Но, как ни крути, вторжение в мой мир следовало ограничить хотя бы потому, что к экзаменам надо готовиться серьезно и постараться максимально исключить все риски. Я понимал, что телевизионщикам нужен элемент шоу – а как его добиться? Только через конфликт. Но мой конфликт им снять не получится: нужно зрелище, а моя война – невидима. Значит, необходимо устроить реальный конфликт между участниками проекта.

Провокатора я вычислил очень быстро и, улучив свободную минуту, когда еще не были включены микрофоны, которые были на нас всегда, я отвел его за автобус и прямо в глаза сказал: «Не надо устраивать провокаций в отношении меня. У меня нет сейчас времени на ожидание справедливости. И это не просьба – в противном случае я найду удобный момент и отбучаю тебя, как помойного кота».

Этого оказалось более чем достаточно. Я иногда могу

быть очень убедительным. Больше мы к этому вопросу не возвращались. И я опять повернулся лицом к своему настоящему врагу, которого я должен поразить, и враг этот теперь остался без сообщников извне.

Звонок. Место встречи постоянно меняется. На сей раз станция метро «Сокол». Время – шесть часов вечера. Очень хорошо. Пока суть да дело, пока все настроят, будет уже совсем темно. Будет мое время.

В вестибюле метро меня встречает сотрудник съемочной группы. Машина обычная. Едем по вечерней Москве, недолго, каких-то пять минут. Большая стоянка для машин. Вывеска «Чайхана» на здании. Заходим внутрь – и правда, самая обычная узбекская чайхана. Все как в Ташкенте, в том числе и официанты. Включаю режим ожидания. Заказываю воду. Сейчас мне нужна только вода, только ее энергия, всепроникающая всерастворяющая субстанция с удивительными свойствами.

Как я и предполагал, три часа в ожидании, а потом – будьте любезны, пройдемте. Испытание оригинальное. Пробирка с кровью. Чья кровь? По эмоции ведущего – кровь живого человека. Ведущий спокоен и очень любопытен. Он профессиональный психолог, и он мне нравится. Он носил погоны – это чувствуется. Он для меня свой, очень открытый, и еще его энергетика очень похожа на энергетику моего отца, даже есть что-то общее в глазах. Я думаю, что они с моим отцом одного возраста.

Итак, вот пробирка. Кровь – не водица, это точно. Она живая, она вибрирует, и она несет информацию. Уж я-то знаю: чужой крови мне залили предостаточно и она меня спасла, и не только спасла, но и изменила, и вот я здесь. Может быть, в том числе изменила и для того, чтобы я здесь оказался?

Человек или животное. Да – нет. Мужчина или женщина. Да – нет. То испытание с Есениным и ту ошибку с определением пола я на всю жизнь запомнил. Итак, кровь мужчины. Теперь надо ловить эмоцию, ощущение и сравнить с тем, кого знаю. Закрываю глаза. Из темноты вдруг появляется мой товарищ по волейболу, высокий, сильный, мой ровесник, балагур и весельчак, который отменно готовит шашлыки и который чертовски нравится женщинам. Артист по жизни. Ну что ж, его и буду описывать. Заныла поясница. О, друг сердечный, так у тебя еще и спина болит. Хорошо, хорошо, чувствую. Интересно: тот, чья кровь в пробирке, он очень интуитивный, вокруг вода. Вода дает интуицию. Моряк? Нет, вода речная, пресная. Пытаюсь понять. Вдруг голос ведущего возвращает меня в студию: «А что это вы руку сжимаете, Александр?» Да, действительно, почему я сжимаю руку, что за палка в руке? Это весло. Ты мне помог, ведущий, ты мне помог!

Рассказываю все, что видел. По реакции ведущего понимаю, что ошибок нет. Распахивается дверь и входит высокий мужчина, два метра ростом и с львиной гривой. Я его знаю, он артист. Видел его не раз в фильмах и в телепрограммах.

На груди у него какие-то металлические фенечки на кожаных шнурках. Антураж, это просто антураж, лично ему они даром не нужны. Знакомимся. Да, товарищ – готовый тамада, недаром я увидел своего старого знакомого.

Я очень доволен результатом и самим испытанием в целом: не надо никого огорчать, нет потерь, кровь из пробирки, а не размазанная по линолеуму. После программы обменялись телефонами. Он позвонил мне на следующий день, голос хриплый, сильный, я даже сначала и не понял, кто рычит в трубку. Пригласил в театр киноактера на Поварской. Ну что же, схожу с удовольствием, надо немного развеяться.

В своей жизни я не часто ходил в театр, в моем городе его просто не было, а там, где служил, иногда и кино было большой редкостью. Но это Москва, и здесь все есть. Надо будет со временем восполнить пробел. Я еще не понимал, что эта мысль о восполнении пробела будет реализована на двести процентов!

Приближалась зима, и мои испытания проходили все легче и легче. Я существенно сбросил вес, одежда на мне болталась, я по-прежнему мало спал и много времени проводил в Интернете – помимо ответов на многочисленные письма, я читал все, что там есть о фэншуй. Эта теория поражала меня все больше и больше. Моему удивлению не было предела, когда я находил ответы на свои вопросы.

Для меня вдруг стали настолько очевидными те вещи, о которых я знал раньше, но никак не мог применить эти знания в жизни. Вещи, которые лежали на поверхности, нужно было просто по-другому на них смотреть. До участия в проекте, до пройденных испытаний, в результате которых доверие к себе возросло максимально, я не видел такой взаимосвязи во Вселенной, я делил мир на материальный и нематериальный и никак не мог соединить эти две половины. Но прошли три месяца тяжелой работы в нематериальной сфере – и я увидел, что мир неделим.

Помню, еще в школе, изучая оптическую физику, я слушал учителя, который говорил о поляризации света. Вроде бы в теории все было понятным, но так уж получилось, что в школе не было ни одного поляризационного фильтра. И вот несколько лет спустя я увлекся фотографией и однажды купил себе такой фильтр-насадку на объектив – качество моих

снимков удивительным образом изменилось.

Когда появились первые солнечные очки с поляризационным стеклом, я не задумываясь их приобрел. Я люблю рыбалку, и порой очень важно рассмотреть, что творится в воде. Без очков чаще всего ты видишь только поверхность воды, а что в глубине – неизвестно. Но вот ты надеваешь это простейшее, с точки зрения современной цивилизации, изобретение – и тебе открывается недоступный доселе мир.

Вот таким фильтром и стала для меня эта древняя восточная наука. Сквозь ее фильтр день за днем я начал лучше понимать, для чего я вчитывался в журнал «Наука и жизнь», который вывел меня на более глубокий источник информации – журнал «Химия и жизнь», для чего выбрал именно фармацевтический вуз, ту школу, где изучается практически все, что можно изучить в современном мире.

Я никогда не собирался выращивать лекарственные растения или работать технологом на фармацевтической фабрике, не собирался я быть и токсикологом или аптекарем – и не был ни одним из них практически ни дня, но желание познания естественно-научных дисциплин было просто колоссальным. И вот спустя много лет, когда я читал все, что связано с фэншуй, моя память стала выдавать те знания, о которых я не забыл, но до этого момента в принципе не вспоминал. Ну, есть они у меня и есть. И только вот теперь, на сорок девятом году моей жизни, я понял, для чего мне все это было нужно.

Я много лет искал учителя – человека, который смог бы мне объяснить происхождение тех или иных явлений не с точки зрения обычных знаний, а с точки зрения конечного замысла всех событий. Оказалось, что этот человек – я сам. Просто в одно мгновение свет буквально сошелся клином и высветил то, чего я раньше не видел. Я стал потихоньку понимать, кто я, какими характеристиками обладаю, какие мои стороны сильны, а какие не очень. Я стал понимать все не только про себя, но и про других, я стал исследовать биографии звезд и простых людей, вождей и рабов, отслеживать судьбы сотен людей, знакомых мне и не знакомых.

И с каждым разом я убеждался в одном: это работает! Это работает четко, но при одном условии: человека надо рассматривать исключительно как часть его клановой системы, как некую веточку, произрастающую на конкретном дереве, корни которого являют собой прошлые поколения, ствол олицетворяет родителей, ветви – конкретного человека, ну а плоды – его потомков.

Однако главного я так и не узнал. Кто мне помогает, кто дает подсказки, отчего у меня идет мороз по коже, когда я говорю истину, и практически такое же ощущение испытывают те, в чей адрес я ее говорю. Сквозь эту древнюю науку я стал понимать многие вещи, сказанные в Библии. Многие иносказания открылись мне с совершенно удивительной стороны, притчи стали не сказками, а инструкциями к применению, предметы стали для меня источником информации.

Теперь я понимал свое желание и стремление в девятнадцать лет служить на северном флоте. Раньше я себе объяснял это желание только тягой к перемещению в пространстве и своим неумным любопытством, но сейчас я точно знал, где находятся места, делающие меня более интуитивным, более сильным и более мудрым.

Ох, как же много времени я потерял, но сожаление мое, конечно, было неуместным. Мой принцип своевременности событий пошатнулся, так как я понял, что при проведении определенных мероприятий это мое «своевременно» может наступить гораздо раньше. Я и раньше ценил людей, но сейчас их ценность приобрела для меня невиданные размеры. Нет в мире ни одного бесполезного человека. Все зависит от того, как его применить.

Изучение китайской грамоты оказалось столь увлекательным делом, что я не преминул использовать ее на практике. На свою интуицию я полагался безусловно, но если есть что-то, что мне может помочь в работе, почему бы это не использовать? Для начала я стал обращать внимание на то, в какие цвета одеваются люди. Тот свет, который я видел у них над головами, без знаний фэншуй давал мне не совсем полную картину. Теперь же я знал примерные характеристики того или иного человека, и по ним у меня появилась возможность определять даже дату рождения, практически не включая интуицию, но вот как я определяю имена родителей или предков – до сих пор ума не приложу.

Мне очень понравился принцип разделения людей по принадлежности к той или иной стихии, но для меня понятие «стихия» было недостаточным. Я раскладывал их так и эдак, читал про их соотношение и однажды задумался об их цвете и форме, и в какой-то момент пришло понимание, что стихии – это волны, источником которых является Вселенная. Волны, которые имеют конкретные характеристики, и в зависимости от этих характеристик люди, рожденные в тот или иной период, наделены возможностью поглощать либо отражать тот или иной свет, ту или иную определенную длину волны! Люди не генерируют фотоны света, люди всего лишь отражают его, как отражает любой другой предмет, но с удивительной избирательностью отражают только тот свет, ту совокупность длин волн, которыми они были облучены в момент появления на свет.

Мне стал понятен симбиоз физики и эмоций. Первичность определить сложно. Но вначале было слово! Момент появления на свет, дата рождения человека – определяется предками! Их эмоциями, их поступками, их действием или бездействием, их оценкой, полученной со стороны окружающего мира людей!

Я опять взялся за учебники, я знал, где искать. «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Я нашел своего фазана в разделе оптической физики, и мой собственный фэншуй начался со школьной призмы. С обычной стеклянной школьной призмы, которая разделяет белый свет на семь

цветов радуги. Той самой радуги, которую видел каждый из нас, но мало кто задумывался о словах, написанных в Библии по поводу радуги.

Бог благословил Ноя и сыновей его и сказал им: «Вот, Я поставлю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас... что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа и не будет уже потопа на опустошение земли... Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением завета между Мною и между землею... Когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке... и вспомню завет вечный между Богом и между всякой душою живою...»

Что это? О чем сказал Он? Многие вещи я рассматриваю исключительно с точки зрения физики, той физики, которую я знаю. Радуга – это индикатор, по которому можно судить о состоянии солнечной системы. Если Он говорит, что радуга будет в неизменном виде, значит, не изменится ни спектральный состав Солнца, ни состав атмосферы Земли, и сама атмосфера будет существовать всегда. Конца света не будет! Может быть, Он посчитал эксперимент с потопом неудачным? Может быть, Он посчитал, что люди достойны большего?

Девушка из съемочной бригады искренне просила прощения. Я посмотрел на часы, было три ночи. Я не стал ее останавливать и говорить, что мне до отбоя еще час. Завтра в десять утра. Станция метро «Кропоткинская», выход в сторону храма Христа Спасителя. У меня есть шесть часов на

подготовку, но сон заказывать не буду. Уже наступил день с металлической энергетикой. Фиолетовый. Сорочка у меня такая есть, Наталья подарила на прошлый Новый год. Она не знала китайской премудрости, но с интуицией у нее было просто замечательно. Металлическая энергетика – мне родственная. Фиолетовый – мой цвет.

Воспоминания накрыли неожиданно. Это похоже на приступ эпилепсии. Стараешься загрузиться по максимуму: съемки, люди, знакомства, а потом – бах, маленький штрих, и все, приступ. Дыхание перехватывает, и кроме воя – ничего. Я взял сигарету и выскочил из квартиры. Отдышался, закурил. Недели две назад пришлось выйти из такси: таксист переключал радио и выбрал Лепса и его песню «Натали». Водитель сам все увидел и остановился. «Вам что, плохо?» Он повернулся ко мне, а я просто бросил деньги на сиденье и вышел посреди проспекта Вернадского. Я шел примерно два километра и думал о том, что сейчас бы я точно ее понял. Ей-то я был понятен, это несомненно.

Ровно в десять утра я вышел из метро. Нас отвели в кафе неподалеку и сказали, что у первого участника есть как минимум полчаса. Хорошо, успею съесть кусок мяса: раз сегодня активна энергия металла – значит, надо есть мясо. Заказываю небольшой стейк и прошу сделать его как можно быстрее. Странный заказ для десяти часов утра, но официант даже бровью не повел. «Пятнадцать минут вас устроит?» Да устроит, даже если пойду первый, то все равно успею.

Металл – энергия жесткая, властная, энергия военных. Кстати, в прошлый раз испытание с участием потомка Чапаева было в такой же день – день с металлической энергетикой. Я старался никогда не думать заранее о предстоящем экзамене, а тут меня понесло. Так... военный у них уже был... Металл – это ведь еще и энергетика власти. Может, какой-нибудь политик будет? Вот бы президент! Уж я бы ему все сказал, что думаю. Нет, президента, конечно же, быть не может, но вполне возможно, что какой-нибудь депутат. Эти падки на любой пиар, им хоть в «Дом 2», хоть в «Битву».

Ну вот и мое мясо, приготовили быстро и вкусно. Эффект наступит минут через тридцать. Я уже знаю, как мясо действует на меня: появляется четкость, точность, уверенность – будет очень сложно сбить меня с темы. Не то чтобы я стану агрессивным, нет, просто по отношению ко мне людям не захочется свою агрессию проявлять.

Подъехал тот самый микроавтобус с наглухо заклеенными окнами. Я снова не первый в очереди, и это хорошо. В разговоры не вступаю и стараюсь их даже не слушать. Я и мой экзамен, и более ничего. Проводить его будут где-то рядом, думаю, что недалеко.

«Александр, прошу вас!» Я, как бычок на закланье, наклонил голову вперед, мне надели непроницаемые горнолыжные очки и повезли по Москве. Я совершенно не знаю города, но по ощущениям крутимся где-то возле центра. Приехали. Меня ведут под руки. Не очень приятное заня-

тие ходить в незнакомом месте с закрытыми глазами. Спускаемся по лестнице, становится все тише. Вопрос ведущего: «За десять минут нужно определить, где вы находитесь и что связано с этим местом».

Это хорошо, что глаза закрыты непроницаемыми очками – так работать намного удобней, свет от софитов не мешает. Я стал тяжелее, я чувствую свой вес. Как будто вернулся к тому весу, в котором был два месяца назад. Это изменение гравитации. Значит, я очень близко к земле или под ней – такое же ощущение у меня бывает в метро. Только там оно уносится со скоростью поезда. Но это не метро. Смотрю в темноту, минуту, две. Меня никто не торопит, это очень хорошо. И хорошо, что тихо. Малейший импульс извне мешает настройке.

Суровый мужик смотрит на меня в упор с... картины. Что еще за галерея?! Нарисованный и не современный. Брови сдвинуты, злой, агрессивный. Все-таки организаторы тоже люди. Энергия власти – это энергия металла. Все сходится. Какой-то грозный начальник. Может, правда, Грозный? Нет, портрет того, убивающего своего сына, я помню, этот не похож, но возможно, что из тех времен, наряд у него соответствующий. Опять кружу хоровод бензиновых пятен в черной темноте. Мелькает карта. Игральная карта. Валет. Близко-близко. Валет вооружен какой-то алебардой. Мысль о Достоевском. Каторга, люди сидят, лежат, кандалы. Вдруг прямо над собой чувствую металлический предмет, он просто

сверлит мой мозг. «О, там похоже в потолок что-то вмонтировано». Возвращаюсь к картинке. Нет, это не эпоха Достоевского – Достоевского сторожили намного позже и с более современным огнестрельным оружием, а не с алебардами.

Снимаю очки. Рассказываю все, что чувствовал. В потолке прямо надо мной – железный крюк. Это он мне отсвечивал в темя. Экзамен сдан. Это подвал дома Малюты Скуратова. Да, намек на Грозного, его начальника, был очевидным. Надо было сказать, что, возможно, времена Ивана Грозного. Но поезд ушел, а результатом я все равно остался доволен. Металлический день. Власть. Оружие. Все сошлось.

Дома я набрал в поисковике имя Малюты Скуратова. Поисковик мне выдал картинку. Тот самый портрет, который я видел в подвале здания. Да, иногда полезно посещать картинные галереи. А не сходить ли мне в Третьяковку? Я ведь в ней ни разу не был. Мало ли какая еще картина мне привидится.

– Парни, есть предложение, в ближайший выходной сходить в Третьяковскую галерею.

Сыновья посмотрели на меня удивленно.

– А что это тебе вдруг в голову взбрело?

– Представляете, сегодня на экзамене была подсказка, портрет человека. Если бы я видел этот портрет ранее, то у меня вообще не было бы никаких сомнений. Решено! В ближайший выходной пойдем культурно просвещаться.

Ох уж эта Москва, в ней, как в Греции, есть все!

В ближайший выходной мы действительно отправились в галерею. В принципе, я знал, работы каких художников хочу посмотреть. Это были Иван Айвазовский и Василий Верещагин. Я видел репродукции этих художников в школьных учебниках, и даже те небольшие фотокопии приводили меня в состояние восторга. Интересно, как же я буду чувствовать себя, когда увижу подлинники?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.